

ЩИТ И МЕЧ

ДАВИД ГОЛИНКОВ

ТАЙНЫЕ
ОПЕРАЦИИ
ВЧК

Щит и меч

Давид Голинков

Тайные операции ВЧК

«Алисторус»

2008

УДК 355/359
ББК 63.3

Голинков Д. Л.

Тайные операции ВЧК / Д. Л. Голинков — «Алисторус»,
2008 — (Щит и меч)

ISBN 978-5-9265-0456-6

В этой книге описаны некоторые операции ВЧК против иностранной агентуры, заговорщиков, террористов, активных антисоветских деятелей, спекулянтов и коррупционеров в первое десятилетие Советской власти. Во многом именно благодаря работе чекистов Советской России удалось выстоять в той беспрецедентной по масштабу тайной войне, которую вели против Советского государства его далеко не бесталанные противники, – шпион с дипломатическим паспортом Р. Локкарт, «супермен» С. Рейли, «король террора» Б. Савинков и многие другие.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-9265-0456-6

© Голинков Д. Л., 2008

© Алисторус, 2008

Содержание

Вступление	6
Часть первая	8
Создание советских судебных и следственных учреждений	8
Рождение ВЧК	12
Методы действий советских органов государственной безопасности в первые месяцы после октября	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Давид Львович Голиков

Тайные операции ВЧК

© Голиков Д.Л., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

Вступление

После победы Октябрьской революции 1917 года в России образовалось Советское правительство во главе с В. И. Лениным.

Практически сразу же против него образовалась мощная оппозиция, которая использовала как мирные, политические, так и насильственные методы борьбы. Что же собой представлял антисоветский лагерь внутри России?

Значительную часть его составляли монархистские элементы из бывших помещиков и той части крупных промышленников и торговцев, которая была связана с монархией определенными привилегиями. Сюда же входили высшее чиновничество и генералитет, не принявшие советскую власть. Обладая значительными материальными средствами, опытом государственной работы и связями в армии, они готовы были оказывать помощь и поддержку любому антисоветскому движению.

Особую роль в монархистском лагере играл генералитет старой армии. Из этой среды выходили самые опасные враги нового государства. Они формировали вооруженное ядро антисоветских сил, которое состояло из многочисленного офицерства бывшей царской армии военного времени, – обученную, организованную, знающую военное дело массу.

Помимо монархистов в антисоветский лагерь входили те представители торгово-промышленных кругов и интеллигенции, чьи политические взгляды находили наиболее полное выражение в программе конституционно-демократической (кадетской) партии. До революции кадеты добивались реформ в рамках конституционно-монархического строя, затем объявили себя республиканцами, главенствовали в первом Временном правительстве, а потом входили в состав коалиционных правительств.

После Октябрьской революции кадеты сразу же выступили против Советского государства. Они организовали саботаж мероприятий новой власти, поддерживали вооруженные антисоветские выступления. В обращении Совета Народных Комиссаров к населению 25 ноября 1917 г. указывалось: «Враги народа империалисты, помещики, банкиры... предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов... Политическим штабом этого восстания является Центральный комитет кадетской партии»¹.

Исходя из этого 28 ноября 1917 г. Советское правительство приняло декрет, согласно которому «члены руководящих учреждений партии кадетов как партии врагов народа» подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагался особый надзор за партией кадетов ввиду ее бесспорной связи с гражданской войной внутри страны². Партия кадетов была единственной партией, объявленной тогда враждебной народу.

Деятели правых социалистических партий также оказались в лагере противников советской власти. Их общим идеалом было создание в России демократического строя по западно-европейскому образцу.

На окраинах страны и в национальных районах в антисоветский лагерь входили еще и националистические партии и организации. Спекулируя на национальных чувствах, они боролись за свои особые местные интересы.

Еще во времена Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в национальных районах страны образовались всевозможные местные, так называемые национальные парламенты и правительства. Это были: Центральная рада на Украине, Белорусская

---

¹ Декреты Советской власти, т. 1, с. 154, 155.

² Декреты Советской власти, т. 1, с. 162.

рада в Белоруссии, курултай в Крыму и Башкирии, «национальные советы» в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, «Алаш-орда» в Казахстане, «Шуро-и-Исламия» в Туркестане, «Союз объединенных горцев Кавказа» и др.

Особо следует отметить, что все антисоветские силы должны были искать поддержку за рубежом для продолжения своей деятельности. Такую поддержку они всегда находили, поскольку Советское правительство не было тогда признано ни одной державой мира; более того, западные страны даже не скрывали своих планов по его свержению.

В таких условиях правительство Ленина должно было позаботиться о безопасности советского политического строя, о его защите от посягательств внутренних и внешних врагов. Мощь антисоветского лагеря требовала создания не менее мощных органов государственной безопасности советской державы.

Часть первая

Образование и методы действий советских органов государственной безопасности в 1917–1924 гг

Создание советских судебных и следственных учреждений

Первым советским органом борьбы с врагами государства стал Военно-революционный комитет, образованный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов еще накануне Октябрьской революции. Уже 24 октября 1917 г. Военно-революционный комитет призвал всех трудящихся Петрограда «задерживать хулиганов... и доставлять их комиссарам Совета в ближайшую войсковую часть». Комитет предупреждал: «При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли»³.

Первая советская следственная комиссия образовалась при Петроградском военно-революционном комитете в те дни, когда на улицах столицы еще шли революционные бои. В ее работе принимали участие рабочие, солдаты, матросы. Они задерживали врагов революции, уголовников, спекулянтов, приводили их в Смольный, где другие рабочие, солдаты и матросы – члены следственной комиссии, выделенные общественными организациями, – разбирали их дела. Наиболее опасных преступников заключали в тюрьму, менее опасных освобождали.

В эту комиссию входили П. А. Красиков, М. Ю. Козловский и другие. М. Ю. Козловский впоследствии рассказывал, что комиссии пришлось начинать свою работу «во время революции, когда события разыгрывались на улицах, перед Зимним дворцом... В комиссии был матрос Алексеевский... Это было единственное лицо, изображавшее и председателя, и члена комиссии, и чуть ли не весь секретариат. Работала комиссия в одной комнатке в Смольном, наверху на третьем этаже, в ужасных условиях... В нашем распоряжении был стол и несколько стульев, писали на коленях. Бесконечное количество людей, постоянный приток солдат... Следственная комиссия работала днем и ночью без перерыва...»⁴

В первые дни советской власти, когда не было еще судов, эта комиссия выполняла не только судебные и следственные, но и административные функции: закрывала старые судебные учреждения, разбирала их дела и архивы, штрафовала спекулянтов, реквизировала обнаруженные у них товары и т. д. Так, например, председатель правления Русско-Азиатского банка А. И. Путилов обвинялся в финансировании антисоветской деятельности. Следственная комиссия вызывала его несколько раз, но он не являлся. В газетах было напечатано такое объявление:

«Следственная комиссия предписывает Алексею Ивановичу Путилову немедленно явиться для допроса... В случае уклонения Путилова от явки в течение недельного срока со дня напечатания сего имущество Путилова будет подвергнуто конфискации»⁵. Однако и после этого Путилов не явился в следственную комиссию и бежал из Петрограда за границу. И тогда 30 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров постановил все его движимое и недвижимое имущество конфисковать⁶.

Через несколько дней после победы Октября, 4 ноября 1917 г., в Петрограде, на Выборгской стороне, в доме № 33 по Большому Самсониевскому проспекту, начал работать суд, обра-

---

³ Известия ВЦИК, 1917, 27 октября.

⁴ Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 64.

⁵ Известия ВЦИК, 1917, 16 декабря.

⁶ Декреты Советской власти, т. 1, с. 308.

зованный районным Советом рабочих и солдатских депутатов. Это был первый в России советский суд.

Места за судейским столом заняли пять судей, отдельно избранных Советом рабочих и солдатских депутатов, районным бюро профессиональных союзов, советом фабрично-заводских комитетов, районной думой и советом домовых комитетов. Один из судей – рабочий А. Шашлов – рассказал о задачах нового суда и призвал всех собравшихся активно участвовать в рассмотрении судебных дел. Председатель суда И. В. Чакин разъяснил, что все присутствующие имеют право задавать вопросы подсудимым и свидетелям, высказывать мнение по существу дела. Суд предоставит слово двум гражданам из публики, желающим выступить в качестве обвинителей, и двум гражданам, желающим выступить в качестве защитников.

Первым рассматривалось дело некоего Беляева, задержанного и доставленного в суд красногвардейцами. Беляев, будучи членом отряда рабочей милиции, напился пьяным, дебоширил, стрелял из винтовки. Теперь он горько раскаивался.

По приглашению председательствующего обвинителями выступили двое рабочих. Они заклеями позорное поведение своего товарища и потребовали его строгого осуждения.

Судьи удалились на совещание и вскоре, вернувшись в зал, объявили приговор – исключить Беляева из состава рабочей милиции как не оправдавшего народного доверия и предупредить, что в случае повторения подобных поступков он будет наказан более строго⁷.

В те же дни в Нарвском районе Петрограда действовал другой, подобный Выборгскому, народно-революционный суд, в составе которого были избранные рабочими-путтиловцами Иван Генслер, Василий Алексеев, Григорий Самодел, Федор Лемешев.

А в зале Горчаковского дворца заседал несколько иной по форме суд в составе представителей профессиональных союзов и Совета рабочих и солдатских депутатов под председательством механика Куликова. Этот суд совмещал следственные и судебные функции; был и следственной комиссией, и судом. Действовал он в публичных заседаниях, причем судьи составляли на заседании как бы президиум, выносили же решение все присутствующие граждане.

Вот как рассматривалось в этом суде первое дело – Егора Комлева, обвиняемого в пьянстве, сопротивлении красногвардейцам и в торговле денатуратом (которым пользовались тогда вместо водки).

Заседание началось с оглашения материалов предварительных опросов, произведенных судьями – членами следственной комиссии. Затем председательствующий пригласил желающих из публики выступить обвинителем. Вызвался рабочий Демидов. Он призвал судить подсудимого «судом народным, справедливым»:

– Мы живем в революционное время, со всех сторон окруженные врагами, – говорил он. – Враги следят за каждым нашим шагом и за поступок одного клеймят позором всех. Поэтому мы должны показать им, что умеем с честью носить имя свободного гражданина и имеем право вражеские обвинения назвать ложью. Вот такие, как Комлев, мешают и всячески вредят нам в этом деле. В дни великих событий он пьянствует и скандалит на улице... Я прошу народный суд признать его виновным. Он должен понять, что народ в лице своего суда осудил его за вину перед народом...

В качестве защитника выступил садовод Керре. Получили слово и два красногвардейца, задержавшие Комлева. Один из красногвардейцев говорил о том, как был задержан подсудимый, и призвал «судить не по форме, а с пониманием», помочь Красной гвардии «очищать» народ от его «позорящих членов».

Член комиссии по охране города А.Н. Сергеев, обращаясь к суду, сказал:

---

⁷ Известия Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 8 ноября.

– Я не сторонник наказания. Сам был судим неоднократно по политическим делам старой властью, но вам я на него (Комлева) и ему подобных указываю и говорю: вот они мелкие враги революции, те, кто спекулирует и спаивает. Осуждение его – вот единственный ответ на его поступок.

Председательствующий Куликов счел нужным разъяснить присутствующим, что несомненных доказательств виновности Комлева в торговле денатуратом нет.

– Сомнение всегда толкуется в пользу обвиняемого. Лучше оправдать виновного, чем осудить невинного. Помните, что вы судите человека, – сказал он.

По окончании судебных прений председатель сформулировал и поставил на открытое голосование всех присутствующих три вопроса: 1) виновен ли подсудимый Комлев в пьянстве и буйстве; 2) виновен ли он в сопротивлении красногвардейцам и оскорблении их; 3) виновен ли он в торговле денатуратом.

Суд-собрание единогласно признал Егора Комлева виновным в пьянстве, оскорблении и сопротивлении красногвардейцам. Кроме того, большинством голосов (37 против 24) – виновным в торговле денатуратом. Из разных предложений, внесенных присутствующими, открытым голосованием принято было одно – осудить Комлева к двум месяцам общественных принудительных работ⁸.

В городе Кронштадте рабочие, солдаты и матросы образовали «суд общественной совести», в который вошли: три представителя Совета рабочих и солдатских депутатов; по одному представителю от городского самоуправления, комитетов разных политических партий, входящих в Совет, и Совета крестьянских депутатов, а также трое местных судей, избранных еще до Октября, но утвержденных Советом рабочих и солдатских депутатов. При этом наметилась определенная тенденция – «построить новый суд на основе политической группировки местного Совдепа»⁹.

Яркое представление о том, как создавались судебные и следственные органы на периферии, дают воспоминания И. Л. Толстикова, участника Октябрьского переворота в городе Богородске Нижегородской губернии.

– Будучи комиссаром юстиции Совета депутатов, – рассказывал автор, – я видел, что судебный аппарат царского режима разрушен окончательно, а нового пока не создано. Потребность же у населения в этом аппарате чувствовалась огромная. Я широко поставил в известность население района, а также рабочих кожевенных заводов, что каждый гражданин или гражданка, имеющие надобность в обращении к судебным органам как в гражданском, так и в уголовном порядке, могут с ходатайством обращаться ко мне как к комиссару юстиции, и мною таковые будут рассматриваться публично в Народном доме. В день назначенного заседания набивалось обычно большое количество народа. Я всегда ровно в 7 часов вечера объявлял судебное заседание открытым и предлагал собравшимся избрать на данное заседание председателя и секретаря. Всегда неизменно избирали меня и моего технического секретаря, и такие заседания часто затягивались до 4 или 5 часов утра, и публика терпеливо дожидалась конца. В прениях по тому или иному процессу участвовали, кроме сторон, и все присутствующие в Народном доме, причем собравшиеся путем голосования решали судьбу того или иного процесса и определяли меру наказания или удовлетворения гражданского иска¹⁰.

---

⁸ Известия ВЦИК, 1917, 30 ноября.

⁹ Материалы НКЮ. М., 1918, вып. 1, с. 56–57.

¹⁰ От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957, с. 349–351.

* * *

В первое время после Октября кое-где сохранились и дореволюционные суды, особенно мировые. Жизнь требовала внести единообразие в систему советских судебных и следственных учреждений.

22 ноября 1917 г. Советское правительство приняло первый декрет о суде. Он, прежде всего, определил, что все дореволюционные окружные суды, судебные палаты, правительствующий Сенат, военные и морские суды, институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры упраздняются, а действие института мировых судей приостанавливается. Взамен прежних образовывались новые выборные советские судебные следственные учреждения, организуемые на широких демократических основах. Предусматривалось создание и специальных судебных следственных учреждений для борьбы с контрреволюцией. В ст. 8 декрета указывалось: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии»¹¹.

Этот декрет и последующие инструкции юридически закрепили принципы и нормы судостроительства и судопроизводства, выработанные самодеятельными народно-революционными судами и следственными комиссиями еще до опубликования декрета. Основными принципами работы революционных трибуналов и народных судов стали:

1) избираемость судей и членов следственных комиссий Советами, широкое участие в работе судов и следственных комиссий народных представителей;

2) гласность и публичность судопроизводства; публичность распространялась и на деятельность следственных комиссий, важнейшие решения которых принимались в открытых заседаниях;

3) полное равноправие сторон в судебном процессе, достигавшееся отменой особых прав, которые имело раньше обвинение (прокуратура) в процессе дознания, следствия и суда; общественными обвинителями и общественными защитниками мог быть каждый из присутствующих на суде неопороченных граждан;

4) допущение защиты со стадии предварительного следствия;

5) коллегиальность в решении вопросов предварительного следствия и судебного процесса;

6) в виде наказаний суды могли применять: денежный штраф, общественное порицание, лишение общественного доверия, принудительные общественные работы, лишение свободы, высылку за границу и т. п.

Смертная казнь не входила в число предусмотренных законом наказаний.

---

¹¹ Декреты Советской власти, т. 1, с. 125–126. Позже следственные комиссии состояли при революционных трибуналах.

Рождение ВЧК

Но система судебно-следственных учреждений, сложившаяся в первое время после Октябрьской революции, не обеспечивала достаточно эффективной борьбы с наиболее опасными преступлениями. Следственные комиссии и революционные трибуналы занимались рассмотрением дел об уже известных, совершенных преступлениях. Между тем политическая обстановка настоятельно требовала создания такого аппарата, который мог бы выявлять, своевременно пресекать, предупреждать зреющие преступления, действовать оперативно и решительно.

С этой целью были образованы специальные комиссии и комитеты по борьбе с отдельными видами особо опасных для советского государства преступлений. Среди них наибольшее значение приобрели Комитет по борьбе с погромами и Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Вскоре после Октябрьской революции мародеры в Петрограде стали громить винные погреба и склады. Они напивались, открывали стрельбу, совершали грабежи и убийства. В. А. Антонов-Овсеенко, командовавший в то время войсками Петроградского военного округа, впоследствии писал: «Никогда не виданное бесчинство разлилось в Петрограде. То там, то сям появлялись толпы громил, большей частью солдат, разбивавших винные склады, а иногда громивших и магазины... Никакие увещания не помогали. Особенно остро встал вопрос с погребами Зимнего дворца... Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия. «Допьем романовские остатки!» – этот веселый лозунг владел толпой. Пробовали замуровать входы – толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали заливать погреба водой – пожарные во время этой работы напивались сами».

Однако «когда за борьбу с пьяницами взялись гельсингфорские моряки, – писал В. А. Антонов-Овсеенко, – погреба Зимнего были обезврежены. Это была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским обетом – «смерть тому, кто не выполнит зарока», и, сами в другое время великолепные «питухи», они победили николаевское зелье... На Васильевском острове борьба была проведена твердо. Финляндский полк... объявил остров на осадном положении и заявил, что будет расстреливать грабителей на месте, а винные погреба взрывать»¹².

Возникла необходимость образовать специальный комитет, который решительными мерами покончил бы с погромами и бандитизмом в Петрограде. Инициатором создания такого комитета и его председателем стал управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич. Впоследствии он рассказывал: «Подбор сотрудников у нас был таков, что принимали только рабочих, непременно партийных, и левых эсеров. Фабрика избирала, район утверждал, и потом мы вошли в Петербургский комитет. Было несколько отводов, но они объяснялись молодостью, или, как, например, был отведен один товарищ за то, что он заснул»¹³.

6 декабря 1917 г. Комитет по борьбе с погромами выяснил, что мародерство поддерживалось антисоветскими элементами. В. Д. Бонч-Бруевич на заседании Петроградского Совета докладывал: «Петроград затоплен шквалом пьяных разгромов... Разгромы начинались с мелких фруктовых, а за ними следовали склады Келера и Петрова, крупный магазин готового платья. В одни полчаса мы получили 11 извещений о погромах и едва успевали отправлять на места воинские части... При опросе задержанных отдельных воинских чинов выяснилось, что их спаивали и организовывали из них особый институт подстрекателей братьев к выпивке, за что платили по 15 рублей в день...»

---

¹² Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М., 1924, т. 1, с. 18–20.

¹³ Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 71.

Вскоре члены Комитета по борьбе с погромами задержали двух лиц, раздававших прокламации. Прокламации внешне походили на большевистские: на них имелись заголовки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой империализм и его лакеев!», «Да здравствует рабочая революция и всемирный пролетариат!». Но по содержанию это были явно провокационные листовки: они подстрекали солдат, матросов, рабочих громить винные склады и всячески дезорганизовывать нормальную жизнь столицы. Задержанные с прокламациями оказались: один – сотрудником реакционной газеты «Новая Русь», а другой – его племянником. «Они сообщили, что посланы организацией, и указали нам адреса, – писал Бонч-Бруевич. – Когда мы пошли по первому же адресу, мы наткнулись на 20 тыс. экземпляров этого воззвания... Мы двинулись дальше и арестовали многих лиц... Ясно, что мы имеем дело с заговором контрреволюции во всероссийском масштабе, организованном чрезвычайно широко при больших денежных средствах, задавшимися целью удушить... революцию»¹⁴.

Склад прокламаций был обнаружен у приват-доцента Петроградского университета А. А. Громова. При допросе его выяснилось, что инициатором распространения провокационных прокламаций был князь К. В. Кекуатов. «Он показал мне, – говорил Громов, – текст этой прокламации, написанной на пишущей машинке, и предложил мне организовать распространение этих прокламаций среди населения... Свидание наше закончилось определенным соглашением, по которому я обещал постараться найти людей, могущих организовать распространение этих прокламаций... При беседе с князем Кекуатовым присутствовала его жена, княгиня Кекуатова... Княгиня Кекуатова во время этого свидания передала мне на расходы по исполнению принятого поручения две тысячи рублей»¹⁵.

6 декабря Комитет по борьбе с погромами ввел в Петрограде осадное положение и предупредил: «Попытки разгромов винных погребов, складов, лавок, магазинов, частных квартир и проч. и т. п. будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения»¹⁶.

Представление о деятельности комитета дает такое сообщение:

«В Комитет по борьбе с погромами позвонили о начавшемся погроме винного погреба на Екатерининском канале, причем сообщили, что преступники громят не только погреб, но и частные квартиры прилегающих домов. Комиссар по борьбе с погромами тов. Олехно, получив это сообщение, немедленно с отрядом в 10 красногвардейцев выехал на место происшествия. Здесь он застал почти двухтысячную толпу. К тов. Олехно обратились местные рабочие и обыватели с просьбой принять самые решительные меры против погромщиков. После предупреждения, которое ни на кого не подействовало, был открыт огонь, и район моментально очищен от погромщиков. Местное население горячо благодарило тов. Олехно за твердые революционные действия. В большинстве убитых, одетых в солдатские шинели, опознали местных хулиганов и громил»¹⁷.

* * *

Почти одновременно с учреждением этого комитета был создан и специальный орган по борьбе с контрреволюцией. 6 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров, обсудив вопрос о возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях, принял постановление о создании Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. А в декрете, принятом Совнаркомом 21 декабря, говорилось, что ВЧК нахо-

---

¹⁴ Известия ВЦИК, 1917, 8 декабря.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Известия ВЦИК, 1918, 26 января.

дится под ближайшим наблюдением Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата внутренних дел и президиума Петроградского Совета. Устанавливалось, что ВЧК действует на основе инструкции, вырабатываемой ею, НКЮ и НКВД, результаты же своей работы передает в Следственную комиссию при революционном трибунале или прекращает дело.

Далее подчеркивалось, что неурегулированные конфликты между ВЧК, НКЮ, НКВД и президиумом Петроградского Совета «восходят на окончательное разрешение Совета Народных Комиссаров, не останавливая обычной деятельности [и оспоренных мер...]... соотв[етствующих] К[омиссий]»¹⁸.

31 января 1918 г., рассмотрев вопрос «О точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда», Совнарком постановил: «В Чрезвычайной комиссии концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений, все же дальнейшее ведение следствий и постановка дела на суд предоставляется Следственной комиссии при трибунале»¹⁹.

Таким образом, ВЧК была учреждена как орган розыска, пресечения и предупреждения государственных преступлений. Первоначально ей предоставлялось право применять в отношении преступников лишь административные меры (конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. п.). В области судебной ВЧК должна была выполнять функции органа дознания: она могла вести предварительное расследование, «поскольку это нужно для пресечения», после этого вскрытые ею дела поступали в следственную комиссию и уже затем передавались в суд.

Всероссийская чрезвычайная комиссия создавалась как аппарат, опирающийся на помощь и содействие масс населения, заинтересованных в безопасности советского строя. Чекисты пошли на фабрики, заводы, в воинские части, оповестили рабочих, солдат, матросов о своих задачах, просили их сообщать сведения о контрреволюционерах и приглашали принять активное участие в работе ВЧК. Объявления об этом публиковались и в газетах²⁰.

Популярность ВЧК росла; имея многих добровольных помощников, она могла немногочисленным аппаратом выполнять большие задачи. Видный чекист М. Я. Лацис впоследствии писал: «В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарате насчитывалось всего 40 сотрудников, включая сюда и шоферов и курьеров. Даже к моменту восстания левых эсеров в ВЧК число сотрудников доходило только до 120 человек. Если все же ВЧК осуществляла сравнительно большую работу, то главным образом благодаря содействию населения. Почти все крупные заговоры были раскрыты указанием населения. Первая нить бралась от них, этих добровольных и бесплатных сотрудников от населения и потом уже разматывалась аппаратом ВЧК»²¹.

Сложность и специфичность работы ВЧК, большие права, предоставленные ее сотрудникам, требовали от чекистов особых личных качеств и безукоризненного поведения в рамках закона. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский в одной из инструкций в 1918 г. писал: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача – пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить людей свободы и держать их в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей вла-

---

¹⁸ Известия ВЦИК, 1918, 26 января.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 111–112.

²⁰ Известия ВЦИК, 1917, 15, 19 декабря.

²¹ Пролетарская революция, 1926, № 9, с. 90.

сти. Каждый должен помнить, что он представитель советской власти – рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость – пятно, которое ложится на эту власть».

А в «Инструкции для производящих обыск и дознание» Дзержинский писал:

«1. Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность.

2. Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое *вежливое*, никакие правонарушения и окрики недопустимы.

3. Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда.

4. Угрозы револьвером и вообще каким бы то ни было оружием недопустимы.

Виновные в нарушении данной инструкции подвергаются аресту до трех месяцев, удалению из комиссии и высылке из Москвы»²².

---

²² Исторический архив, 1958, № 1, с. 5–6, с. 64.

Методы действий советских органов государственной безопасности в первые месяцы после октября

В первый послеоктябрьский период чрезвычайные комиссии производили аресты контрреволюционеров лишь в целях пресечения вредной деятельности и изоляции их от общества на время острой политической борьбы. Такие арестованные освобождались, как только заявляли об отказе от дальнейшей активной борьбы с Советским государством.

Выступая 4 ноября 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали фронтовые представители, В. И. Ленин говорил: «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем... Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила. Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается»²³.

Под честное слово не выступать более против народа были отпущены на свободу генерал П. Н. Краснов, пытавшийся в октябре 1917 года организовать поход на Петроград, и комиссар Временного правительства при Северном фронте, один из организаторов похода Краснова В.С. Войтинский. Были освобождены и арестованные в Зимнем дворце во время Октябрьского штурма министры-социалисты Временного правительства (А. М. Никитин, К. А. Гвоздев, С. Л. Маслов и другие).

Среди арестованных во время штурма Зимнего дворца находился управляющий военным министерством генерал А. А. Маниковский. 28 октября 1917 г. народный комиссар по военным делам Н. В. Крыленко явился в Петропавловскую крепость, где содержался Маниковский, и от имени Советского правительства предложил ему продолжать работу в военном министерстве. Маниковский согласился и был освобожден из заключения. Однако вскоре выяснилось, что он, работая в министерстве, пытался активно выступать за ограничение прав новой власти по смещению командного состава армии. В связи с этим 20 ноября по приказу ВРК Маниковский был вновь арестован.

В тот же день Совет Народных Комиссаров вынес постановление об аресте и другого генерала – начальника генерального штаба В. В. Марушевского, обвинявшегося в саботаже²⁴.

Маниковский и Марушевский предстали перед следственной комиссией. Член комиссии П. А. Красиков, допросив арестованных, пришел к выводу, что «данных относительно активного противодействия политике народных комиссаров в деле не усматривается», и высказался за их освобождение. Однако председатель комиссии М. Ю. Козловский не согласился с этим предложением и написал такую весьма характерную для того времени резолюцию: «Разделяя оценку (П. А. Красикова) фактической стороны... полагаю, что, поскольку задержание генералов продиктовано было соображениями политической стратегии, арест их следует продолжить (хотя бы в интересах авторитета «твердой» власти демократии)»²⁵. Между тем генералы дали заверения, что не будут выступать против советской власти. В. Марушевский собственноручно писал: «Современной власти считаю нужным подчиниться и исполнять ее приказания»²⁶.

1 декабря 1917 г. Маниковский был освобожден. За него поручилась специальная делегация служащих военных учреждений, давших подписку в том, что он «не будет принимать

---

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 63.

²⁴ ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 232, л. 4.

²⁵ ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 229, л. 2 об.

²⁶ Там же, д. 232, л. 10.

участия в политических выступлениях, направленных против власти Совета Народных Комиссаров», тогда же был освобожден и Марушевский²⁷.

17 ноября 1917 г. Военно-революционный комитет в г. Пскове арестовал генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта В. Л. Барановского – зятя Керенского – и направил его в Петроград, в Петропавловскую крепость, как противника революции.

Главковерх Н. В. Крыленко при расследовании показывал, что Барановский, пользуясь своим положением в штабе, посылал телеграммы, «в которых он подробно информировал штабы армий и контрреволюционную Ставку Духонина о происходящем, освещая все в определенном (антисоветском) свете».

В. Л. Барановского нужно было изолировать для пресечения его вредной деятельности, и он содержался под стражей около полутора месяцев. 30 декабря 1917 г. комиссар Северного фронта Б. П. Позера направил следственной комиссии такую телеграмму: «В случае отсутствия обвинения против Барановского прошу его освободить на честное слово»²⁸. Барановский дал 4 января 1918 г. Петроградской следственной комиссии такую подписку: «Я даю честное слово, что 1) не буду противодействовать советской власти, не буду выступать против нее; 2) явлюсь по первому требованию следственной комиссии. Владимир Львович Барановский». В тот же день его освободили²⁹.

В октябре 1917 г. (еще до Октябрьского переворота) в Петрограде был сформирован добровольческий 151-й Пятигорский «батальон смерти», составленный преимущественно из студентов и гимназистов. Командовал батальоном прапорщик В. Н. Синебрюхов.

12 декабря 1917 г. несколько солдат явились в полевой штаб Петроградского военного округа и сообщили, что ударники из батальона Синебрюхова вербуют солдат в отряды атамана Каледина, возглавлявшего антисоветские силы на Дону, и производят сбор средств в пользу «батальона смерти».

15 декабря комиссар полевого штаба с нарядом солдат прибыл в кафе Филиппова и задержал там бывшего юнкера, младшего офицера «батальона смерти» 17-летнего Ф.Г. Малахова.

Материалы о задержанном Малахове полевой штаб направил в следственную комиссию революционного трибунала. Через несколько дней Малахова освободили. Он дал такую подписку:

«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь под честным словом явиться к петроградскому воинскому начальнику не позже 12 января 1918 г., причем заявляю, что отныне никакой контрреволюционной деятельностью заниматься не буду»³⁰.

5 января 1918 г. Комитет по борьбе с погромами и ВЧК получили сведения о том, что у прапорщика В.Н. Синебрюхова собираются ударники его батальона. Сотрудники комитета явились на 5-ю Рождественскую, дом 10, и в квартире Синебрюхова арестовали группу ударников. Они признались, что явились к Синебрюхову по его приказу, чтобы участвовать в выступлении «в защиту Учредительного собрания». Хозяина квартиры, прапорщика Синебрюхова, в квартире не оказалось: он скрылся. Вскоре ударники «батальона смерти» были окружены красногвардейцами в помещении курсов Лесгафта, разоружены и распущены.

Когда в Петрограде наступило относительное спокойствие, ВЧК освободила всех арестованных ударников, а дело о них передала в следственную комиссию революционного трибунала. 30 апреля 1918 г. туда явился с повинной и сам В. Н. Синебрюхов. Он показал: «Я принадлежал к организации ударников, которые должны были принять участие в охране Учредительного собрания, когда оно соберется. Вся эта организация находилась в ведении «Союза

---

²⁷ Там же, д. 229, л. 4. Впоследствии Маниковский работал в Краевой Армии, умер в 1920 г. Марушевский, нарушив свое «честное слово», участвовал в борьбе против советской власти.

²⁸ ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 65, л. 14.

²⁹ Там же, л. 15.

³⁰ ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 227, л. 5.

защиты Учредительного собрания». Я исполнял ответственную функцию в организации ударников – получал деньги от Анатолия Сомова, вольноопределяющегося, который пригласил меня в эту организацию, для раздачи остальным членам организации ударников. Сомов говорил, что предстоит выступление против большевистской власти и против тех, кто посягает на Учредительное собрание».

Далее Синебрюхов рассказал, что все время после ареста его подчиненных он скрывался вне Петрограда. «За время моих скитаний я пережил очень много, со мной произошел полный душевный перелом, взгляды мои совершенно изменились. Мне 21 год, и взгляды мои еще не сложились прочно и окончательно. Я решил добровольно явиться в Следственную комиссию и предоставить себя в ее распоряжение»³¹. И тогда Следственная комиссия революционного трибунала постановила освободить Синебрюхова, обязав его явиться по первому требованию, и так как у него не было документов, выдать ему по его просьбе удостоверение на право проживания в Петрограде. 15 июня 1918 г. дело о Синебрюхове и членах его отряда было прекращено на основании декрета Совнаркома Петроградской коммуны от 1 мая 1918 г. о смягчении участи лиц, совершивших преступные деяния³².

* * *

Аналогичных примеров мягкой репрессивной деятельности органов советской власти можно привести немало. Такова была тогда общая линия карательной политики советской власти. В телеграмме Народного комиссариата юстиции всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 31 января 1918 г. указывалось: «Подавление или пресечение активных контрреволюционных выступлений должно войти в русло революционного правопорядка. Политические аресты, обыски и выемки должны производиться только одной Следственной комиссией, состав которой должен публиковаться. Целью ее должно явиться только предание суду революционного трибунала... Пусть возмездие будет быстро и решительно, но пусть оно исходит от революционного суда; пусть никто не посмеет сказать, что на территории Советской республики нет социалистической справедливости. Революция сурова к своим активным врагам и великодушна к поверженным и побежденным»³³

---

³¹ ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 296, л. 72.

³² Там же, л. 75.

³³ Известия ВЦИК, 1918, 31 января.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.